

Михаил Салтыков-Щедрин

Уличная философия

Михаил Салтыков-Щедрин

Уличная философия

«Public Domain»

1869

Салтыков-Щедрин М. Е.

Уличная философия / М. Е. Салтыков-Щедрин — «Public Domain», 1869

Статья представляет собой одно из значительных выступлений Салтыкова в защиту революционной молодежи от так называемой «антинигилистической» критики; была отмечена цензурой в годовом обзоре как «предосудительная» и как характеризующая направление «Отечественных записок». Так как изображение «нового человека» – Марка Волохова – в романе Гончарова «Обрыв», по существу, смыкалось с тем представлением о революционерах, которое насаждала «антинигилистическая» литература, Салтыков посвятил свою статью преимущественно этой теме. В письме к Некрасову 22 мая 1869 г. Салтыков сообщал, что написал статью «по поводу «Обрыва», то есть не касаясь собственно романа, а философии Гончарова». Речь в статье идет о трех основных проблемах, решение которых объясняет салтыковскую оценку произведения Гончарова: 1) об отношении творчества писателя к его мировоззрению, 2) об отношении общества к прогрессу, в частности – к развитию передовой философской и естественнонаучной мысли, 3) о роли крупнейших литераторов 40-х годов в современном общественном движении.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Уличная философия

УЛИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ (По поводу 6-й главы 5-й части романа «Обрыв»)

Если вам случается, читатель, слышать в так называемом обществе, с одной стороны, сетования на слишком широкие размеры, принимаемые жизнью, с другой стороны, разнообразные предположения по части укорочения ее – вам, конечно, могут подобные бессознательные толки в значительной степени опротивить, показаться несносными, нелепыми, но ни в каком случае они не удивят и не приведут вас в негодование. Мало ли всякого люда шатается по улицам? Разве можно за всяким усмотреть, всякого переспорить, всякого вразумить? Да и вразумлять этот «шлюющийся народ» – далеко не легкое дело; это значило бы с каждым проходящим начинать с азбуки, что, очевидно, может быть с успехом выполнено только приходскими училищами, которые с тою целью и устроены, чтобы в них обучались люди всякого рода «начаткам».

Поэтому, когда вы слышите на улице голословные изветы против якобы господствующего в современном поколении духа отрицания; когда вы слышите, что людей, ищущих отнестись к жизни сознательно, называют чуть-чуть не негодьями и разбойниками; когда вы видите людей малосмысленных, бессмысленно вращающих глазами по поводу таких вопросов, которых они даже изъяснить себе не могут, – вас может это встревожить только с точки зрения абстрактной и гуманной. Быть может, вы были убеждены, что сумма знаний, увеличиваясь непрерывно, вместе с тем делается более и более доступною и для масс; что факты, которые в прежнее время стояли под защитою темных и голословных аксиом, отнюдь не перестали быть фактами оттого только, что они переменили эту ненадежную защиту на более прочную защиту разума, – и вот уличная толпа уверяет вас в противном. Она громко заявляет себя сосудом не в смысле накопления знаний, а в смысле накопления невежества; она протестует против вмешательства разума в дела мира сего и становится на сторону бессознательности, случайности и произвола, как таких форм, в которых наиболее удобным образом укладывается человеческая жизнь. Это вас огорчает. Но, повторяем, ваше огорчение в этом случае имеет чисто абстрактный характер. Взятый в отдельности, ни один из членов невежественной толпы не может возбудить вашего негодования. Вам заранее известно, что все, что там ни делается, в этой темной пучине, делается или по привычке, или по неведению. Вы знаете, что если эта уличная толпа, с которой вы на каждом шагу встречаетесь, и обучалась когда-то каким-то «начаткам», то она давно забыла их и даже это скудное знание заменила так называемою житейскою мудростью или, попросту, рутиною; в противном случае, она, конечно, не приходила бы в ужас от таких, например, истин, что гром есть явление объяснимое и что реки текут не к источникам, а к устьям не по щучьему велению, а по причинам, удовлетворительно раскрываемым законами природы.

Сказавши себе раз навсегда, что толпа обогащается знаниями медленно, вы легко можете установить свои отношения к ней. Что бы она ни говорила, как бы ни шипела против пытливости человеческого разума – все это будет для вас делом посторонним, не требующим ни возражений, ни препирательств. Вы идете по улице и говорите себе: я иду тут, потому что мне нельзя сделать иначе; покорюсь этой необходимости и постараюсь сделать так, чтобы как можно меньше слышать, как можно меньше видеть, как можно меньше обонять. Заручившись таким благоразумным решением, вы, в согласность ему, принимаете меры, которые наиболее действительным образом могут оградить вас от неприятных ощущений. Вот все, к чему вы обязываетесь в видах самосохранения.

Но когда мирозерцание, совершенно понятное и уместное, если вы знакомитесь с ним в таком философском трактате, как, например, «голубиная книга»,^[1] проникает в литературу; когда эта последняя, вместо того чтобы пробуждать общество, ищет усыпить его, вместо того чтобы сеять в нем мысль о необходимости сознательного отношения к жизни, еще более усиливает и без того сильные опасения тех откровений, которые влечет за собой беспристрастный анализ понятий, явлений и форм, – тогда, говорим мы, равнодушие становится делом гораздо менее легким. Литература и пропаганда – одно и то же. Как ни стара эта истина, однако ж она еще так мало вошла в сознание самой литературы, что повторить ее вовсе нелишнее. Всякая светлая мысль, брошенная литературой, всякая новая истина, добытая ею, находит слишком большое количество прозелитов, чтоб можно было не дорожить этим присущим ей качеством побеждать мрак и покорять людей, наиболее упорствующих в предрассудках. Точно то же приблизительно должно сказать и о заблуждениях. Литература, пропагандирующая бессознательность и беспечальное житие на авось, конечно, не может иметь особенных шансов навсегда покорить мир своему влиянию, но она может значительно задержать дело прогресса и наносить ему по временам такие удары, которые будут тем чувствительнее, что представители прогресса все-таки люди и в этом качестве к перенесению ударов не всегда равнодушны.

В особенности важно, в смысле образовательном, влияние той отрасли литературы, которая называется беллетристикою, потому собственно, что эта отрасль есть наиболее доступная пониманию большинства. Конечно, беллетристика не дает читателю той полноты и уверенности знания, к которым приведет его наука путем доказательств, но влияние беллетристики все-таки может быть благотворным в том отношении, что она предрасполагает к исканию истины и заставляет читателя скептически отнестись к тем несознанным аксиомам, которыми он до того руководился. По нашему мнению, это заслуга немаловажная, и только совсем лишенные смысла люди могут называть беллетристику, как орудие пропаганды, литературой легкого поведения.^[2] Эти люди, очевидно, не понимают, что дело совсем не в названии и что можно, пожалуй, отыскать и науку легкого поведения, то есть ту самую, которая служит популяризированию первоначальных истин, без знакомства с которыми невозможно, однако ж, дальнейшее движение общества на поприще знания. И беллетристика, и наука в этом случае, конечно, заслуживают название «легких», но воспитательное их значение от того нисколько не умаляется.

Каждое произведение беллетристики, не хуже любого ученого трактата, выдает своего автора со всем его внутренним миром. Читая роман, повесть, сатиру, очерк, мы без труда можем определить не только мирозерцание автора, но и то, в какой степени он развит или невежествен. Ошибочно думают те, которые утверждают, что интерес беллетристического произведения исчерпывается одною художественною стороною, одною авторскою способностью живо схватывать признаки того или другого явления. Выбор явления в этом случае далеко не индифферентен, как равно не индифферентно и отношение к нему автора. Мы можем, пожалуй, назвать довольно отечественных беллетристов, которые, со стороны художественной ценности, наделены не меньше, например, Шпильгагена, но в то время как последний представляет нам человека цельного, определившего свои отношения ко всем разнообразным стихиям, из которых в данную минуту складывается общественная и индивидуальная жизнь – первые рисуют ряд простых организмов, озабоченных исключительно потребностями питания и половых отправлений. Ясно, что область, которую захватывает Шпильгаген, обширнее, нежели та, которую берут русские талантливые беллетристы, что эта область включает в себе большее

[1] ...в таком философском трактате, как, например, «голубиная книга». – См. прим. к стр. 19.

[2] ...литературой легкого поведения... – Намек на статью М. А. Антоновича «Литературное лицемерие «Отечественных записок». Вопрос, представляемый на разрешение легкой литературе» («Космос», 1869, № 4). Подробно о позиции Антоновича и причинах его нападок на «Отеч. записки» см. в рецензии Салтыкова на «Материалы для характеристики современной русской литературы»

разнообразие явлений, что она представляет повод для значительнейшего числа комбинаций, и что ежели мы примем во внимание только одно последнее условие, то есть разнообразие и большую сложность комбинаций, то и тут окажется, что *интерес* беллетристического произведения, при равных художественных силах, всегда пропорционален степени умственного развития автора.

Что касается до мирозерцания, то хотя, в большей части случаев, благодаря еще ходячему учению, будто художественная сила сама по себе индифферентна, оно не высказывается столь резко, как умственная развитость и неразвитость авторов, но так как ледяная кора, дававшая возможность скрывать человеческие симпатии и антипатии, с каждым днем, с каждым часом становится тоньше и тоньше, то и шансы утаивать их делаются все менее и менее доступными. Олимпийское равнодушие к текущим (или, как обыкновенно говорится, временным) интересам действительности понятно только тогда, когда интересы эти устраиваются сами собою, идут своим чередом, по раз заведенному порядку (так было у нас при крепостном праве); но когда действительность втягивает в себя человека усиленно, когда наступает сознание, что без нашего личного участия никто нашего дела не сделает, да и само собою оно ни под каким видом не устроится, тогда необходимость сознать себя гражданином, необходимость принимать участие в общем течении жизни, а следовательно, и иметь определенный взгляд на явления ее представляется настолько настоятельно, что едва ли кто-нибудь может уклониться от нее. И чем пристальнее художник вникает в эти текущие интересы, которые он не без презрительной улыбки именовал временными, тем более убеждается, что это суть интересы не менее важные, нежели те, которые он, переносясь в другую сферу, несколько напыщенно называл вечными, и что, в конечном анализе, не может существовать того мелкого человеческого интереса, который бы не был интересом вечным уже по тому одному, что он интерес человеческий.

Эта необходимость относиться к явлениям жизни под тем или иным углом зрения, укрепленная воспитанием и всею совокупностью жизненных условий, нимало не может служить стеснением для творческой деятельности художника, а напротив того, открывает ей новые горизонты, оплодотворяет ее, дает ей смысл. Художник становится существом не только созерцающим, но и мыслящим, не только страдательно принимает своею грудью лучи жизни, но и резонирует их. Ничто в такой степени не возбуждает умственную деятельность, не заставляет открывать новые стороны предметов и явлений, как сознательные симпатии или антипатии. Без этой подстрекательской силы художественное воспроизведение действительности было бы только бесконечным повторением описания одних и тех же признаков. Нам могут, конечно, сказать, что в этих симпатиях и антипатиях именно и находится источник всевозможных преувеличений, – такое возражение, конечно, во многих случаях, не лишено будет правдивости, но в том-то и дело, что от этих преувеличений должно предостеречь писателя то чувство меры, то критическое отношение к жизненному материалу, в которых, собственно, и заключается мерило истинной силы художника. Как бы то ни было, однако ж, впадет ли художник в преувеличения или остережется от них, это обстоятельство может иметь влияние только на критическую оценку его произведения. В первом случае произведение будет менее совершенно, во втором – более. Но закон, в силу которого писатель-беллетрист не может уклониться от необходимости относиться к действительности под определенным углом зрения, остается непререкаемым, и избежать его имеет право лишь тот, кто в то же время заявляет право и на полное невнимание публики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания